

ВЫСОКОЕ
НАПРЯЖЕНИЕ

История №2

ЦЕНА ЧИСТОГО ЛИСТА

Yu. Elisey

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЦЕНА ЗАБЫТОГО ДОЛГА

ПРОКЛЯТИЕ ТРЕХ ПЕЧАТЕЙ

ЧТОБЫ ОСТАНОВИТЬ ТЬМУ, НУЖНО ЗАПЛАТИТЬ ВСЕМ.

ЗАРЕЧЬЕ
КОНЕЦ ТЬМЕ:
НАЧАЛО ЖИЗНИ.

18+

Yu. Elisey

Цена чистого листа

<https://litres.ru/74645333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вадим Соколов думал, что запечатал древнее проклятие своего дяди Виктора в Заречье, но кошмар только начинается. Артефакты-накопители, похищенные в 90-е годы, просачиваются в город, превращая кровь жертв в смертоносную черную мазутную слизь. Объединившись с Анной Власовой, чья семья пострадала от действий Соколовых, Вадим вступает в опасную борьбу со злом. Героям предстоит выследить оставшиеся реликвии, столкнуться с опасными владельцами артефактов и чернокнижником Ковалевым, а также спуститься в глубокий bunker, где выращивается новое порождение тьмы. Используя соль, огонь и собственную кровь, Вадим должен уничтожить Сердце Печатей, чтобы навсегда закрыть кровавый долг своей семьи.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Yu. Elisey

Цена чистого листа

Глава

История 2.

Цена чистого листа.

Продолжение истории, Цена забытого долга.

ПРОЛОГ

Шум автомойки на окраине города немного глушил гул в голове. Вадим сидел на пластиковом стуле в клиентской зоне, глядя, как через запенившееся стекло бокса мойщики с недоумением оттирают кузов его «Лады». На капоте и крыше машины запекалась тонкая, похожая на деготь корка, которую струи воды под высоким давлением сбивали с трудом.

Мужик в засаленном комбинезоне подошел к Вадиму, почесывая затылок:

— Слышь, парень, ты где такую грязь намотал? Она как мазут, мыло ее почти не берет. И пахнет... как будто в болоте тухлом неделями стояла.

— В деревню ездил, — сухо ответил Вадим, не вдаваясь в подробности.

Он перехватил руку — изувеченный палец, перевязанный чистым бинтом из аптечки, все еще пульсировал тупой боль-

бую. В травмпункте, куда он заехал сразу после трассы, пожилой хирург долго и подозрительно разглядывал рваную рану на пальце и глубокие ссадины на плечах.

— Это кто ж тебя так? — спросил врач, накладывая швы. — На собачьи укусы не похоже. Будто проволокой рвали. Или... зубами человеческими.

— На стройке зацепился, — соврал Вадим, глядя в потолок.

Он не мог рассказать правду. Ни врачу, ни друзьям, ни полиции. Любое слово о Заречье, о мумии дяди Виктора и о черной яме под домом звучало как диагноз.

К вечеру Вадим наконец поднялся в свою съемную однокомнатную квартиру.

Здесь всё было привычным и безопасным: гудящий холодильник, невытая чашка на столе, свет фонарей за окном. Но едва он переступил порог, как старый привычный мир показался ему чужим и ненастоящим.

Вадим прошёл в ванную. Включил воду, смывая с лица остатки городской пыли и дорожной копоти. Подняв голову, он замер перед обычным настенным зеркалом.

Сердце на секунду привычно сжалось, подкинув липкий лишайный страх из темноты зареченского дома. Вадим медленно протянул руку, касаясь пальцами прохладного, чистого стекла.

В отражении стоял он сам. Уставший, осунувшийся парень с темными кругами под глазами и бинтом на правой ру-

ке. Никаких черных теней. Никаких пустых глазниц за спиной. Зеркало показывало только реальность.

Он тяжело опустился на край ванны и достал из кармана куртки плотный конверт, опечатанный сургучом, который вытащил из бардачка перед отъездом из Заречья.

На конверте рукой дяди Виктора было написано: «Нотариусу не отдавать. Открыть только Соколову».

Вадим надорвал конверт и достал несколько исписанных мелким, дерганым почерком листов бумаги. Это были не просто записки — это был реестр долгов и грехов Виктора Соколова.

«1996 год. Взял у Паши "Лысого" три тысячи долларов на товар. Пашу убили через неделю. Деньги не вернул...»

«1998 год. Забрал землю у Власовых. Отца семейства упекли в тюрьму по навету...»

«1999 год. Подельников запер внизу. Оно обещало, что за это спишет мои грехи...»

Лист за листом дядя Виктор описывал, как продавал всё вокруг себя за мнимую удачу, пока не остался один в мертвом доме с ямой под полом.

Но на последней странице была свежая надпись, сделанная за пару дней до того, как тварь окончательно затянула дядю под землю:

«Я думал, оно просит только кровь. Но оно просит РАСПЛАТУ. Если ты держишь это в руках, Вадим... значит, ты выжил. Земля отпустила тебя, но долги семьи Соколовых ни-

куда не делись. Людей, которых я разорил, уже не вернуть. Но у них остались дети. Найди их. Верни то, что я украл. Иначе яма рано или поздно выроется снова — уже под твоим домом».

Вадим отложил листки.

За окном шумел ночной город, пролетали машины, мигали вывески магазинов. Вадим подошел к окну и прижал лоб к холодному стеклу.

Он думал, что история закончилась там, в засыпанном подвале Заречья. Но печать крови была лишь началом. Дядя Виктор оставил ему настоящий крест — цену этого забытого долга.

Вадим достал телефон, открыл поисковик и ввел первое имя из списка дяди: «Власов Павел Сергеевич, Зареченский район, наследники...»

Победа над тьмой под землей была одержана. Теперь предстояло победить тьму, которую его семья оставила на земле.

Шрам на правом большом пальце Вадима за последние полтора месяца так нормально и не зажил.

Врачи в поликлинике только руками разводили: мол, парень, ты где такую заразу цепанул? Рана вроде затянулась, но кожа вокруг осталась какой-то синюшной, с темными, будто обугленными прожилками под ногтем. А когда на улице начинал капать мелкий осенний дождь, палец пронзало та-

кой дикой, дергающей болью, что Вадим чуть ли не зубами скрипел.

Житуха после Заречья вроде как вошла в обычную колею. Вадим все так же крутил руль своей «Лады», мотался по мелким подработкам, закрывал старые долги и старался лишний раз не смотреть в зеркала в темных комнатах. Правда, по ночам все равно иногда накатывало: снилась эта чертова яма, запах тухлой глины и сухой, трескучий голос дяди Виктора.

Но Вадим себя успокаивал — всё, мол, запечатал, тему закрыл, живи спокойно.

Пока в один из дождливых вторников на телефон не пришло уведомление.

Вадим сидел в своей «Ладе» на парковке возле круглосуточного супермаркета, допивая остывший кофе. Экран машины вспыхнул, и на нем выскочило сообщение от неизвестного номера:

«Ты Соколов? Твой дядька нам жизнь сломал. Если ты еще жив, приезжай в "Березки". Сашка Власов умирает, и он зовет тебя».

Вадим аж кофе поперхнулся. Стаканчик смялся в кулаке, горячая коричневая жижа брызнула на джинсы.

— Да ну нахер... — вслух выругался он, вытирая штаны салфеткой. — Откуда у них мой номер?

Пальцы сами собой полезли в бардачок. Там, под пачкой старых чеков и страховкой, лежал тот самый конверт с «Кровавым реестром» дяди Виктора. Вадим развернул пожелтев-

ший лист.

Первая же строчка, выведенная корявым почерком дяди: «1998 год. Забрал землю у Власовых. Отца семейства упекли в тюрьму по навету. Сына Сашку пустил по миру».

Вадим перевел взгляд на экран телефона. Рука с прокушенным пальцем тут же отозвалась острой, пульсирующей болью — словно кто-то раскаленной иглой ткнул прямо под ноготь.

— Сука... — зарычал Вадим, бья кулаком по рулю. — Ну запечатал же! Я же запечатал ту проклятую яму!

Но делать было нечего. Выбросить телефон или сделать вид, что ничего не видел, он уже не мог. Если палец дергает — значит, эта дрянь опять рядом.

«Березки» оказались не просто деревней, а закрытой психушкой за городом — высоким серым зданием с облупившейся штукатуркой, заборчиком из сетки-рабицы и ржавыми решетками на окнах. Запах там стоял особый: смесь хлорки, дешевой капусты и старой, слежавшейся тоски.

Вадим прошел через пропускной пункт, сунув охраннику на входе пятихатку, чтобы тот не задавал лишних вопросов.

Сашку Власова держали на первом этаже, в самом конце темного коридора.

Когда Вадим зашел в палату, у него аж дыхание перехватило.

Комната была небольшой, с двумя кроватями. Но главное — оконное стекло и небольшое зеркалышко над раковиной

в углу были наглухо, в несколько слоев замазаны густой черной краской. Точно так же, как в доме дяди Виктора в Заречье. От черных потеков на стене еще даже не полностью выветрился запах масляной эмали.

На кровати, подогнув колени к подбородку, сидел мужик лет тридцати пяти. Худой как скелет, с провалившимися щеками и диким, блуждающим взглядом. Он судорожно сжимал в руках обычную строительную кисть, пальцы его были сплошь испачканы в черной краске.

— Саш?.. — тихо окликнул его Вадим, делая шаг вперед.

Парень на кровати дернулся, как от удара током, и резко вскинул голову.

— Ты кто?! — заорал он сорванным, сиплым голосом. — Ты от него?! Ты от Витьки Соколова пришел?!

— Тихо ты, не ори! — Вадим поднял руки ладонями вперед. — Я Вадим. Племянник Виктора. Но я с дядей не замутил, он умер давно! Я по делу приехал. Кто мне эсэмэску скинул?

Власов замер. Его глаза, красные, лопнувшие от бессонницы, уставились на Вадима.

— Племяш, значит... — прошипел Сашка, и его губы растянулись в жуткой, перекошенной ухмылке. — Кровушка Соколовых приперлась... А эсэмэску тебе сестра моя Анька скинула. Только не успела она тебя дожидаться. Вчера ее в реанимацию увезли.

— Почему в реанимацию? Что с ней?

— А то ты не знаешь! — Сашка вдруг спрыгнул с кровати и в два шага подскочил к Вадиму, тыча в него испачканной кистью. — Мазут из нее потек! Черный, вонючий мазут из ушей и изо рта! Как из моего отца, когда тот в тюрьме загнулся! Это ваш проклятый дядька Витька из нас кишки тянет! Он оттуда, из-под земли, до сих пор нас жрет!

Вадим почувствовал, как по спине пробежал ледяной липкий пот.

— Не может он жрать, — сквозь зубы выплюнул Вадим. — Я лично его ящик в яму спустил и запечатал.

— Да хрен ты что запечатал, пацан! — заверещал Сашка, хватая Вадима за грудки засаленной больничной пижамы. — Твой дядька у моего отца не просто землю забрал! Он у него шкатулку забрал с нашими семейными вещами и старыми деньгами! А в шкатулке той... печать была! Вторая печать! Витька ее в город упер, барыгам продал! Пока эта дрянь по городу гуляет — мы все сдохнем! Все, у кого ваш дядя хоть рубль украл!

Сашка затрясся в истерике, его пальцы впились в куртку Вадима.

И прямо в этот момент в углу палаты, где стояла покрашенная раковина, раздался знакомый, отвратительный звук.
СУХОЙ. МЕДЛЕННЫЙ. СТУК.

ТУК. ТУК. ТУК.

Стук шел прямо из канализации, из ржавой трубы под покрашенным зеркалом.

Сашка заверещал, как резаный, и отскочил к окну, забиваясь в угол. А Вадим медленно повернул голову к раковине. Из сливного отверстия тонкой, жирной струйкой вверх поползла черная маслянистая слизь...

Черная жижа с тихим, отвратительным чавканьем выпирала из слива раковины, собираясь в жирную, блестящую каплю. По палате мгновенно ударил знакомый сладковатый дух гнилого мяса и сырой земли — такой плотный, что у Вадима перехватило дыхание, а в горле встал комок.

— Она здесь... Она нашла меня! — брызгая слюной, забился в угол Сашка. Он вцепился себе в волосы и начал с силой колотиться затылком о крашеную стену. — Соколов! Сделай что-нибудь, черт тебя дери! Это же твоя семейка всё кашу заварила!

— Заткнись и не дергайся! — гаркнул Вадим.

Палец на правой руке жгло так, словно под ногтем закипело масло. Вадим на автомате сунул руку в карман куртки, нащупал там металлический зажим для денег — обычный кусок плотной стали — и со всей дури шагнул к раковине.

Черная струйка уже поползла по белому фаянсу прямо к закрашенному зеркалу. Краска на стекле начала пузыриться и сползать шматами, будто её снизу прожигал настоящий кипяток. Из-за стекла слышался тонкий, сверлящий уши шепот:

— Са-а-ашка... отдай... земля требует...

— Подавись! — зарычал Вадим.

Он прижал стальную пластину зажима прямо к сливному отверстию раковины, перекрывая вылазющую дрянь. И в ту же секунду со всей силы впечатал прокушенный большой палец в горячую черную слизь, намазывая свою кровь на металл.

Раковина гулко ухнула. По трубам прошелся сильный гидравлический удар — где-то в глубине подвала психиатрички с грохотом разорвало чугунный колено-изгиб. Черная жижа на фаянсе вспыхнула короткими синими искрами, с шипением высохла и превратилась в обычную серо-зеленую пыль.

Шепот за зеркалом оборвался.

В палате снова воцарилась тишина, нарушаемая только диким, рваным дыханием Сашки и тяжелым гулом закипающего за окном дождя.

Вадим стоял, упершись руками в края раковины, и тяжело дышал. Его колотило от адской смеси адреналина и злобы.

— Слышишь, Власов? — Вадим резко повернулся к съжившемуся на полу мужику. — Я эту хрень удержал. Но надолго ли — не знаю. Ты мне давай без истерик Расскажи нормально: что за шкатулка? Кому твой отец её отдал и при чем тут мой дядя Витька?

Сашка медленно поднял голову, с ужасом глядя на Вадима, а потом на просохшую раковину. Он тяжело сглотнул, вытирая рукавом пижамы сопли и слезы.

— Отец... отец в девяностые из Заречья купеческий сун-

дучок выкопал, — заговорил Сашка тихим, дрожащим голо-
сом. — Там старые монеты были и какая-то железная хрено-
вина с узорами. Ну, как узорчатая пластина, тяжелая такая.
Отец думал — серебро. А Витька Соколов про это прознал.
Приехал с пацанами, отца подставил, землю отобрал, а сун-
дучок этот себе упер.

— И куда дядя его дел?

— Витька сам этой дряни испугался, когда подвал копать
начал! — Сашка подался вперед. — Он сундучок не себе
оставил. Он его барыге городскому скинул — антиквару од-
ному, Маркусу. Тот на старой промзоне за вокзалом лавку
держит... или держал. Анька, сестра моя, туда три дня назад
ездила. Хотела эту хреновину выкупить, чтобы проклятие с
семьи снять! И всё... после этого ее в реанимацию и увезли.

Вадим вытер окровавленный палец о джинсы и сжал ку-
лак.

— Где твоя сестра? В какой больнице?

— В третьей городской... На Пастеровской, — тихо отве-
тил Власов. — Вадим... если ты Аньку не спасешь... я сам до
твоего дома доберусь и спалю тебя к чертям. Понял?

— Заткнись, Власов, — сухо отрезал Вадим, направляясь
к выходу из палаты. — Сиди тут и зеркала не отскребай. Я
разберусь.

Третья городская больница встретила Вадима тусклым
светом люминесцентных ламп и стойким запахом лекарств

пополам с хлоркой. Время подбиралось к девяти вечера, приемные часы давно закончились, но Вадиму было побоку.

Он уверенно прошёл через приемный покой, бросив дежурной медсестре на ходу: «Я к Власовой, из прокуратуры по срочному делу», и та даже дернуться не успела, как парень уже взлетел по лестнице на третий этаж, в отделение интенсивной терапии.

Возле палаты реанимации было тихо. У стены на пластиковом стуле сидела девчонка лет двадцати пяти. На ней была промокшая насквозь кожаная куртка, джинсы в грязи, а темные волосы спутанными прядями свисали на лицо. Она сидела, обняв себя руками за плечи, и непрерывно дрожала.

Вадим остановился перед ней.

— Анна? — тихо спросил он.

Девушка резко вскинула голову. Глаза у неё были заплаканные, красные, но в них читалась такая отчаянная, дикая злость, что Вадим вольно шагнул назад.

— Ты кто такой? — сорванным голосом спросила она. — Что тебе надо?

— Я Вадим. Соколов.

При этой фамилии Анна взвилась со стула как ужаленная. Она сжала кулаки и шагнула прямо на Вадима, упершись пальцем ему в грудь.

— Соколов?! Вы еще смеете сюда приходить?! Из-за вашего проклятого дядьки мой брат в психушке, а отец в могиле! Что вам еще от нас надо?! Мало крови напились?!

— Тише ты, замолчи! — Вадим перехватил ее руку за запястье. — Я не дядя Виктор! Я сам из этой жуткой халупы в Заречье едва живым вылез! Твой брат Сашка сказал, что тебя в реанимацию увезли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.